

СЕРИИ
ВЕРИТЕЛЬ

В.
ХИЩНИК

Москва
1930 г.

Подручные друзья
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХЛЕБНИКОВА

ОИК.

4^я флут.

Стр. 66.
Карау. новелла

В. Хлебников.

1. Зверинец.

(к двадцатипятилетию со дня
напечатания).

2. Письмо Хлебникова.

3. Воспоминания о Хлебникове.

Редакция А. Крученых.
Обложка К. Зданевича.
Предисловие В. Далева.

Издание "Трудовой Группы Хлебникова".
Книжечный. Тверская ул. 56/7, тел. 542-59.
Классиф. № 453447. Тираж 130 экз.
Заказ № 723 Москва 1930 г.

"Зверинец" Х-ова впервые был напечатан в сборнике "Садок Судей" I, вышедшем в конце 1909 г.

С тех пор он часто перепечатывался и цитировался (сборн. Х-ова "Рав", предисл. к "Зоо" Шкловского и др.)

Но всегда неполностью. Между тем "Зверинец" лучший из прозы Х-ова, послужившее образцом многим подлинным мастерам слова, и не о нем ли сказано, что "учиться прозе надо у Х-ова"?!
 В настоящем изд. "Зверинец" впервые перепечат. полностью

Еще к юбилею. 20-летие со дня выхода "Сад. Судей" I совпадает с 20-летием футуризма.

В своей книге "15 лет русск. футуризма" (изд. 1927 г.) я, придерживаясь того, что кличка "футуристы" была прицеплена лишь после выхода "Пощечины" (1912 г.) вел счет с этого года; хотя формально я была прав, но, по существу, вернее, конечно, вести счет с 1909 г. и, таким образом, сейчас исполняется ровно 20 лет русского футуризма!

Апрель декабрь 1929 г.

В ответ на одну из атак Вс. Иванова написал, что ушиться прозе следует ныне у академика Павлова и В. Хлебникова.

Я всецело поддерживаю эту мысль. Молодой писатель, мечта о новой русской прозе, не должен продолжать традиций так называемой великой русской литературы. Это соблазн губителен, и горе тому, кто поддается вышеуказанному соблазну. На мой взгляд великие русские писатели (кроме Гоголя) плохо изображали, например, природу. Знаменитый изображатель природы Тургенев не изображал ее, а описывал — совершенно не впечатляюще. Дело, конечно, вкуса. Гоголь написал о дорогах, которые разползлись, как змеи, и о сломанной березе в саду Плюшкина, которая сгибала, как оломок колонны. Тургенев же писал: „Легкий ветерок провеса по рычи. Малиновка вспорхнула“ и т. д. Он пере-

давал то, что видел, — и это не есть поэтическое искусство, — п. т. поэзия наикакаясь галлюцинуемая. Проза Хлебникова — образцу умения изобразить. Я поражаюсь удивительной прозе так называемой непоказности Хлебникова. Нет нигде другого душища Хлебникова:

И в царстве своих незабудок

Она оставила рассудок

Это, впрочем, из стихов, а не из прозы Хлебникова. „Зверинец“ считая шедевром. „Олень — испуг, цветущий широким камнем“ — это академия для прозаиков. Пролетарские писатели призваны своим последствием учиться у классиков: Пургенева, Толстого.

Лень! Ибель!!

Только у Хлебникова!

Если вообще нужно учиться у кого-либо. Главное — талант и здоровье.

т. о. Олеша.

декабрь 29.

З В Е Р И Н Е Ц.

О Сал, Сал!

Где железо подобно отцу, напоминающему
братьям, что они братья, и останавливающе-
му кровопролитную схватку.

Где немцы ходят пить пиво.

А красотки пропавать тело.

Где орлы сияют подобны вечности, окончен-
ной сегодняшним еще лишенным вечера днем.

Где верблюд знает разгадку Буддизма и
затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг цветущий широким
камнем.

Где наряды люлей баскущие.

А немцы цветут здоровьем.

Где черная взор лебедя, который весь по-
добен зиме, а клюв - снежной рожице - немно-
го осторожен для него самого.

Где синий красивейшина роняет полу хвост,
подобный видимой с Павлинского камня Сиби-
ри, когда по золоту пала и зелени леса бро-

пена синяя сошь от облаков и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы.

Где обезьяны разнообразно сердятся и выказывают концы туловища.

Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть влагая древний смысл в правду: есть хоууа! поесть-бы! и приседают точно просят милостыню.

Где мелведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказания сторожа.

Где нетопыри висят подобно сердцу современного русского.

Где грудь сокола напоминает перистые тучи перед грозой.

Где низкая птица влачит за собой вакат, со всеми углами его пожара.

Где в лице тигра обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина мы чтим первого магометанина и читаем сущность Ислама.

Где мы начинаем думать, что веры — зати-
хающие струи волн, разбег которых — видны.

И что на свете потому так много зверей,
что они умеют по разному видеть бога.

Где звери, устав рыкать, встают и смо-
трят на небо.

Где живо напоминает мучения грешников
тюлень с неустанным воплем носящийся по
клетке.

Где смешные рыбокрылы заботятся друг о
друге с трогательностью старосветских поме-
щиков Гоголя.

Сал, сал, где взгляд зверя больше зна-
чит, чем груда прочтенных книг.

Сал.

Где орел жалуется на что то, как уста-
лый жаловаться ребенок.

Где лапка растрчивает сибирский пыл, ис-
полняя старинный обряд родовой вражды при
виде моющейся кошки.

Где козлы умоляют, продевая сквозь ре-

шотку раздвоенное копыто, и машут им, придавая глазам самодовольное или веселое выражение, получив требуемое.

Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов смотреть на небо, ожидая грозы.

Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий.

Где косматый, как девушка, орел смотрит на небо, потом на лапу.

Где видим дерево - зверя в лице неподвижно стоящего оленя.

Где орел сидит, повернувшись к людям спиной и смотря в стену, держа крылья странно распушенными. Не кажется ли ему, что он парит высоко над горами? Или он молится? *Или он молится?*

Где лось целует через изгородь плоскогого буйвола.

Где черный тюлень сначет по полу, опираясь на длинные лапы с движениями человека, завязанного в мешок и подобный чугунному

памятнику вдруг нашедшему в себе приступы
неупржимого всеобщия.

Где косматовласы "Иванов" вскакивает и
бьет ладонь в железо, когда сторож навчвает
его "товарищ".

Где олени стучат через решотку рогами.

Где утки одною поролою понимают единодуш-
ный крик после короткого покая, точно слу-
жа благодарственный молебен утиному - име-
ет ли оно ноги и хвост - божеству.

Где пепельно серебряные цесарки имеют
вид казанских сирот.

Где в малайском медведе я отлавываюсь
узнать сосеверинина и отарываю спрятавшего-
ся монгола.

Где волки выражают готовность и предан-
ность.

Где война в душную обитель попутасов я
осыпаю единодушным приветствием "дурьрак".

Где толстый блестящий морж машет, как
усталая красавица, скользкою черною вееро-

образной ногой и после прыгает в воду, а когда он вскапывается снова на помост, на его жирном грузном теле показывается с колючей щетиной и гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой черноглазой воави-
шенной ламы и у плоскоротого буйвола дви-
жется ровно направо и налево, как жизнь
страны с народным представительством и от-
ветственным перед ним правительством — же-
ланый рай столь многих.

Где носорог носит в багровых глазах
неугасимую ярость низверженного царя и
один из всех зверей не скрывает своего пре-
зрения к людям, как к восстанию рабов. И в
нем затаен Иоанн Грозный.

Где чапки с длинным клювом и холодным
голубым, точно окруженным сучками глазом,
имеют вид международных пальцов, чему мы
находим подтверждение в искусстве, с кото-
рым они похищают брошенную тюленям еду.

Где вспоминая, что русские величали сво-

ли искусных полководцев именем сокола и вспоминая, что глаз казак и этой птицы один и тот-же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле.

5 Где слоны забьли свои трубные крики и издают крик, точно жалуются на расстройство. Может быть, видя нас слишком ничтожными, они начинают находить признаком хорошего вкуса издавать ничтожные звуки. Не знаю.

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов слово Полю Игореву. *во время пожара Москвы*

В. КЛЕВНИКОВ.

/"Салок Суде" 1

1909 г. /

Александр Петрович.

Сообщаю Вам, как врачу, свои медицинские горести.

Я попал на дачу в Новгородск.губер., ст. Боровенка, село Санталово /40 верст от него / в лесь [?] и шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят. Расстройство [неразборчиво] службы. Меня поместили в Коро-
стецкую "больницу" Новгор.губ. гор.Коростец
40 верст от жел.дор.

Хочу поправиться вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?

х/ Это письмо написано В.Хлебниковым неза-
долго до его смерти д-ру А.П.Давыдову /Мо-
сква/. В примеч. скобках заметки редакции.

О ХЛЕБНИКОВЕ И ДРУГИХ.

Я помню только один случай, когда В.Хлебников, В.Маяковский, Д.Бурлюк и я писали все вместе одну вещь - это был манифест в книге "Поощения общественному вкусу" /Москва, декабрь 1912 г./ Писали долго, спорили из-за каждой фразы, слова, буквы.

Помню я предложил: "Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина"... Маяковский добавил: "С парохода современности".

Кто-то: "сбросить с парохода"...

Маяковский: "Сбросить - это как-будто они там были, нет, надо бросить с парохода"...

Помню мою фразу: "Парфюмерный блуд Бальмонта". Исправление В.Хлебникова: "Душистый блуд Бальмонта" - не прошло.....

"Стоим на глыбе слова мы" и "С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество /Л.Андреева, Куприна, Кузьмина и пр./" - фра-

вы Хлебникова.

Он же, по окончании манифеста, заявил:
"Я не подпишу это... Надо вычоркнуть Кузь-
мина, — он нежнич." Сошлись на том, что
Хлебников пока подпишет, а потом отправит
письмо в редакцию о своем особом мнении, —
такого письма мир, конечно, не видел.

По написании манифеста мы разошлись; я
пошел обедать и съел два бифштекса сразу —
так устал от совместной работы с великанами.

А. КРУЧЕНЫХ.

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА.

В 1916 г. Хлебников был призван на воен-
ную службу, к которой, как крайне "нежитей-
ский" человек, был вовсе не подходящ.

Разбирая рукописи Хлебникова, поступив-
шие ко мне недавно, я нашел стихи этого пе-
риода:

Где как волосы девицны,
Плещут реки там, в Царицне,

Для неведомой судьбы, для неведо-
мого боя,
Нагибались дубы нам ненужной
тетивой.

В пеший полк 93-й
Я погиб, как гибнут дети.

/1916 г. См. "Повесть Х-ов"
выпуск 1-II/.

У Дм. Петровского в "Повести о Хлебникове"
/изд. "Сгонек" / читаем:

"Через две недели получаю открытку из Цар-
ицына. Писал Хлебников: - "Король в темнице,
король томится. В пеший полк известности тре-
тий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Цари-
цын, 93-ий зап. пех. полк, вторая рота, Викто-
ру Владимировичу Хлебникову".

Не отбрасывали страничку оборот последних
отрок стиха? /Злоумышленная неправильность
палежа по образцу "канул в лету - погиб в
полк" /.

С Хлебниковым военное начальство обра-

далось очень жестоко, часто ставило под винтовку, лишало отпуска и пр. Испытав все прелести царской военщины, Хлебников с этого момента стал особенно остро ненавидеть империалистическую войну и посвятил ей несколько песен-проклятий.

Большинство этих, в свое время напечатанных, стихов Хлебников смонтировал в большую поэму "Война и мшеловка".

С солдатчиной начинается очень тяжелая и скитальческая жизнь Хлебникова. Спасаясь от гражданской войны, он побрался до Кавказа, где много голодал, мерз и болел.

К концу 1921 г. Владимир в санитарном вагоне выехал в Москву. Соседями его по вагону были эпидемтики, которые на станциях устраивали искусственные припадки и батои подбирали вещи, брошенные разбегавшейся в испуге публикой. Таким же образом больные разгоняли посетителей буфета, а сами набрасывались на оставленные тарелки и о'едали по 4 обеда

сразу. После плотной еды, а может быть и выпивки, приходили в веселое настроение и, по возвращении в вагон, пытались облить бороду Хлебникова керосином и поджечь ее, чтобы устроить "пляску диких у огня".

Невольно вспоминается неизданная поэма Хлебникова, писанная им еще в 1913 г. о прокаженных, сбежавших из больницы и забравшихся в поезд.

Фигуры этих больных, написанные с тяжелым клиническим натурализмом, вероятно напоминали Хлебникову его невольных спутников?

Стоит тот в рубице болячек -
с норовом мышиною щека,
того глаза - весь в крови ящик,
и грязи ком - рука....

/"Бунт жаб". Неизд. Хлебн.
вып. XII /

А. КРУЧЕНЫХ.

